

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОСОЗНАНИЯ АДДИКТОВ ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА С РАЗЛИЧНЫМ ТИПОМ АДДИКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

В.В. Ерёмко

Рассматриваются психологические механизмы аддиктивного поведения и особенности самосознания аддиктов подростково-юношеского возраста. Показано сходство характеристик самосознания при аддиктивных отклонениях.

Ключевые слова: аддикция, самосознание, развитие.

Самопознание подростка, как отмечал С.Л. Рубинштейн, проходит ряд этапов: «...от наивного неведения в отношении самого себя к все более углубленному самопознанию, соединяющемуся затем с все более определенной, а иногда и резко колеблющейся самооценкой. В процессе этого развития самосознания центр тяжести для подростка все более переносится от внешней стороны личности к ее внутренней стороне, от отражения более или менее случайных черт к характеру в целом» [1; 679].

В подростковом возрасте самосознание все в большей степени начинает включаться в процесс управления поведением. В этом процессе участвуют все акты самосознания. Непосредственным компонентом целостной системы управления поведением подростка выступает саморегуляция, основным внутренним рычагом которой является самооценка. Возникая под влиянием общения, разнообразных форм взаимодействия с людьми, она в свою очередь начинает

регулировать поведение подростка в его общении со сверстниками и взрослыми.

Современная социально-экономическая ситуация наиболее трудно переживается людьми, находящимися на подростково-юношеском этапах онтогенеза, представляющих особую фазу психического развития – период остро протекающего перехода от детства к взрослости. Противоречия, свойственные этому периоду, значительно усиливаются, что может приводить к острому внутреннему конфликту и задержке личностного развития подростков и юношества или к деструктивному пути развития (Д.И. Фельдштейн, 1995; Е.П. Белинская, Т.Г. Стефаненко, 2000; Г. Томэ, 1978; И.Ю. Борисов, 1995).

Одной из форм такого поведения, основанной на дезадаптивных реакциях, является аддиктивное (от англ. addiction – пагубная привычка) поведение. Аддикция и зависимость принадлежат к числу относительно новых для отечественной науки терминов. За рубежом они употребляются значи-

тельно шире. В условиях терминологической разногласия одни авторы понимают аддикцию как заболевание, а зависимость – как сопутствующие формы поведения, другие придерживаются противоположного мнения, третьи не различают данные термины или делают это непоследовательно [2].

В исследовании мы опирались на понимание аддикции как поведения, характеризующегося стремлением к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности, с целью получения интенсивных эмоций [3]. Деструктивность такого поведения заключается в первую очередь в том, что «такой способ существования резко нарушает адаптацию человека, как в социальном, так и в биологическом плане. Особенно это проявляется в тех случаях, когда изменение психического состояния достигается приемом каких-либо психоактивных веществ, т.е. при наркотоксикоманиях и алкоголизме» [4; 5]. Само по себе действие этих веществ, приводящих к специфическим искажениям ощущения и восприятия, не способно породить чрезвычайно сложные и тонкие состояния сознания, которые при этом возникают. В основе лежит развернутая иллюзорно-компенсаторная деятельность – деятельность иллюзорного переживания, имеющая свою технику, свои средства и цели (А.Е. Войскунский, 2000; Ц.П. Короленко, 1991; D.M. Greenfield, 1999; M. Griffiths, 1999).

В последние годы отмечено резкое увеличение распространенности аддиктивных расстройств, разнообразие их форм, появление новых разновидностей (С.В. Березин, 2001; И.Ю. Борисов, 1995; А.Е. Войскунский, 2000; F.W. Bennet, 1990; T.J. Driscoll, 1995). К традиционно известным аддикциям в форме химической зависимости (алкоголизм, наркомания, токсикомания, табакокурение) добавлены описания работохолизма, сексуальной, компьютерной, интернет-аддикции, патологической склонности к азартным играм (гэмблинг), аддиктивного пищевого поведения.

Именно нехимические формы аддикций показывают практически неконтролируемый рост в молодежной среде. Такие понятия, как ком-

пьютерная зависимость, интернет-зависимость, гэмблинг, к сожалению, стали частью нашей повседневной жизни [2]. Все это, будучи проявлениями объективной реальности, требует, чтобы вслед за западными исследователями в научно-теоретической и практической деятельности отечественных авторов произошел отход от узкого понимания аддикции применительно только к алкогольным и наркотическим проблемам и утвердилось понимание аддиктивного поведения как целостного класса нарушений, имеющих в том числе и исключительно психологические механизмы (С.В. Березин и др., 2001; Б.С. Братусь, 1988; А.Е. Войскунский, 2000).

В настоящее время проблема аддикций объективно перестала быть сугубо медицинской и приобрела характер психолого-социального и даже психолого-педагогического явления. И если раньше аддиктивные нарушения предполагали вмешательство главным образом специалиста-нарколога, то сейчас все острее становится вопрос о мероприятиях по раннему предотвращению, профилактике аддиктивного поведения, задействованными в которых в первую очередь должны быть именно педагоги, сотрудники образовательных учреждений.

Несмотря на относительную молодость понятия, существует ряд исследований западных и отечественных авторов, раскрывающих различные аспекты проблемы аддиктивного поведения. Для нашего исследования особую важность имеет развиваемая Ц.П. Короленко концепция аддиктивного поведения, основанная на положении о наличии общих механизмов, свойственных различным формам аддикции как фармакологического, так и нефармакологического характера. Автор, анализируя психологические механизмы, лежащие в основе различных аддикций, указывает на существование эмоциональных состояний, объединяющих их различные формы, показывая таким образом существование механизмов формирования аддикций, носящих универсальный характер и относящихся к сфере психологических явлений (Ц.П. Короленко, 1990, 1991, 2000).

Современное понимание аддикции, таким образом, включает в себя большой пласт психологического содержания, проявляющийся в первую очередь в том, что средством изменения

Таблица 1

Средние показатели по шкалам МИС в подгруппах молодых людей

Шкала	Группа				U
	ЭГ-Н (n=52)		ЭГ-Г (n=34)		
	М	± σ	М	± σ	
Открытость	5,1	1,12	5,4	0,93	725
Самоуверенность	4,4	0,91	5,8	0,87	671*
Саморуководство	5,8	1,02	7,0	1,07	685*
Зеркальное Я	5,1	1,13	7,2	0,99	635*
Самоценность	5,6	1,81	5,4	1,73	711
Самопринятие	6,3	1,37	6,5	1,42	764
Самопривязанность	3,4	1,17	3,6	1,21	769
Внутренняя конфликтность	7,1	0,57	6,5	0,81	742
Самообвинение	6,7	0,93	6,2	0,95	739

Примечание. Уровень статистической значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

психического состояния может служить не только какое-либо вещество, но и постоянная фиксация внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), сопровождающаяся возникновением интенсивных эмоций.

Выделение в проблеме аддиктивного поведения психологического содержания ставит перед исследователями целый ряд проблем, основной из которых, на наш взгляд, может быть проблема существования «аддиктивной личности», то есть такой совокупности реальных и потенциальных личностных черт, которая бы являлась достаточно устойчивым коррелятом аддиктивных нарушений [5].

В этой связи основной целью данного исследования явилась проверка гипотезы о существовании сходства характеристик самосознания у подростков с аддиктивным поведением, имеющим разные формы реализации (химическую и нехимическую).

Обоснование выборки испытуемых. Объектом исследования (ЭГ) явилась подростково-юношеская группа в количестве 87 человек с аддиктивным поведением (в стадии ремиссии от 3 до 12 месяцев). Возраст испытуемых от 17 до 22 лет. Для проверки основной гипотезы группа испытуемых была дифференцирована на основании характера аддиктивной реализации и включала 53 человека с химической аддикцией (подгруппа ЭГ-Н) и 34 человека – с нехимической аддикцией (подгруппа ЭГ-Г).

Для комплексного изучения специфических особенностей самосознания аддиктов подростково-юношеского возраста с различным типом аддиктивной реализации использовались следующие методики: «Методика исследования самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантिलеев); методика исследования самооценки личности С.А. Будасси (два варианта); методика «Кто Я?» (М. Kuhn, Т. McPartlend); методика «Диагностика уровня субъективного контроля (УСК)» Дж. Роттера (в адаптации Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинды, 1984); опросник «Способы преодоления критических ситуаций» Э. Хайма. Для математической обработки результатов использовался U-критерий Манна-Уитни, показатель среднего квадратичного отклонения.

В русле проверки выдвинутого предположения о существовании специфических особенностей самосознания аддиктов основным направлением анализа результатов являлась оценка степени сходства в характеристиках самосознания аддиктов с разным типом аддиктивной реализации.

«Методика исследования самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев). Между подгруппами молодых людей с химической (ЭГ-Н) и нехимической аддикцией (ЭГ-Г) по большинству шкал опросника МИС имеется сходство показателей (табл. 1). Близкие показатели были получены по шкалам «Открытость», «Самоценность», «Самопринятие», «Самопривязанность», «Внутренняя конфликтность», «Самообвинение», «Само-

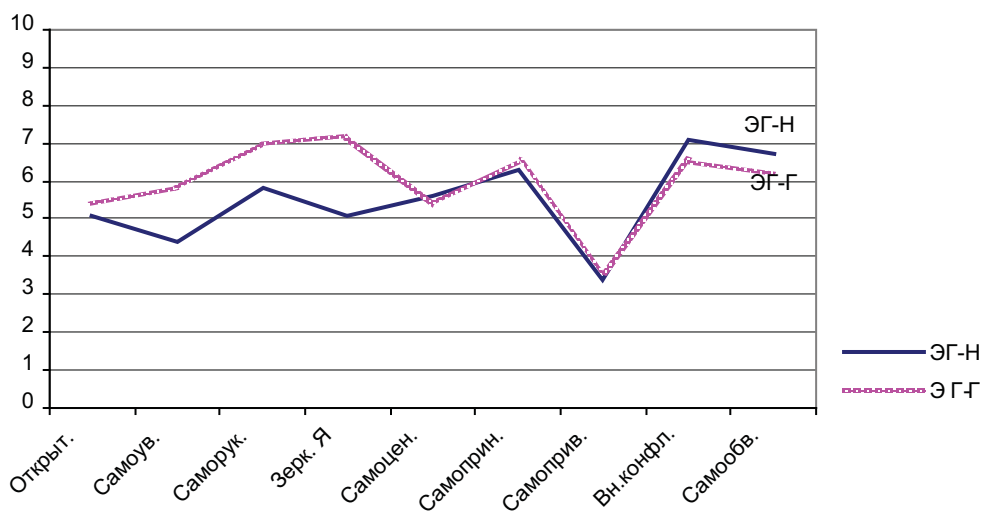

Рис. 1. Взаимосвязи показателей в подгруппах с химической и нехимической аддикцией (по шкалам МИС).

Таблица 2

Средние показатели по шкалам УСК в подгруппах молодых людей с химической и нехимической аддикцией

Шкала	Группа				U
	ЭГ-Н (n=52)		ЭГ-Г (n=34)		
	M	± σ	M	± σ	
Общая интернальность (Ио)	4,31	0,858	4,01	0,983	725
Интерн. достижений (Ид)	6,50	1,103	6,92	1,025	743
Интерн. неудач (Ин)	3,45	0,903	4,12	1,982	701
Интерн. в семейных отнош. (Ис)	5,36	1,241	4,98	0,830	730
Интерн. производств. отнош. (Ип)	4,17	1,036	5,20	1,485	699
Интерн. межличностных отнош. (Им)	5,31	1,528	5,74	1,127	727
Интерн. в сфере здоровья (Из)	5,62	1,863	4,71	0,876	708

Примечание. Уровень статистической значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

понимание». Указанные шкалы составляют два основных фактора опросника: фактор аутосимпатии и фактор самоуничижения. По шкалам третьего обобщенного фактора – «Самоуважение» – между представителями подгруппы ЭГ-Н и ЭГ-Г обнаружены различия средней статистической значимости ($p > 0,05$). В группе ЭГ-Г показатели выше, что можно объяснить более терпимой социальной оценкой игровой аддикции. Графическое выражение обнаруженной меры взаимосвязи показателей подгрупп молодых людей с химической и нехимической аддикцией (по шкалам методики МИС) представлено на рис. 1.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что показатели самоотношения ЭГ-Н и ЭГ-Г являются близкими, обеспечивая однородность ЭГ по данному признаку. У молодых людей с аддикцией вне зависимости от типа аддиктивной реализации сфера самоотношения обладает сходством.

Методика «Диагностика уровня субъективного контроля» (УСК). Как видно из данных, приведенных в табл. 2, статистически значимых различий между подгруппами молодых людей с химической (ЭГ-Н) и нехимической (ЭГ-Г) аддикцией по шкалам методики УСК не

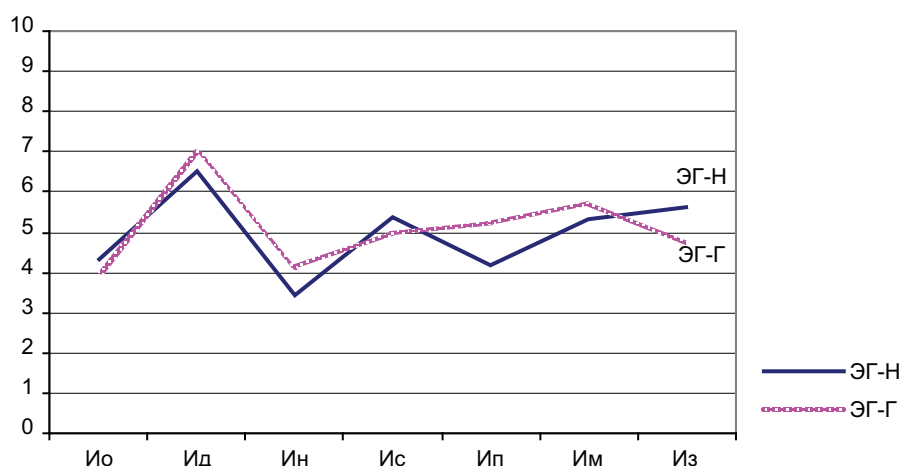

Рис. 2. Взаимосвязь показателей в подгруппах (по шкалам методики УСК).

Таблица 3

Частота встречаемости характеристик из определенных категорий (методика «Кто Я?»), %

Группа	Объективные						Субъективные					
	Родовая сущность	Социальная идентичность					Личностная идентичность					Отношение к здоровью
		Гражданские роли	Этническая принадлежность	Семейные роли	Профессиональные роли	Другие социальные роли	Гендерные роли	Положительные качества	Отрицательные качества	Интимно-личностные роли	Смысловая ориентация	
ЭГ-Н (n=52)	79,2	24,5	17,9	95,8	43,8	59,2	65,4	28,9	33,6	58,2	24,6	60,2
ЭГ-Г (n=34)	88,2	20,3	25,0	100	33,6	68,1	58,4	41,5	30,1	49,7	35,9	50,7
φ^*	0,91	0,46	0,72	0,46	1,43	0,87	0,70	1,56	0,38	0,85	1,47	1,02

Примечание. Уровень статистической значимости: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

установлено. Учитывая это, можно говорить о том, что внутри ЭГ имеется сходство основных показателей локуса контроля, т.е. группа испытуемых с аддитивными нарушениями является в достаточной мере однородной (см. рис. 2).

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что локус контроля как показатель саморегуляции имеет схожие характеристики у людей с аддитивными отклонениями вне зависимости от типа аддитивной реализации.

Статистически значимых различий между подгруппами молодых людей с химической (ЭГ-Н) и нехимической (ЭГ-Г) аддикцией по категориям методики «Кто Я?» (М. Кун и Т. Мак-

партленд) нет. В целом можно говорить о том, что внутри ЭГ имеется сходство основных показателей содержательных самоописаний, т.е. группа испытуемых с аддитивными отклонениями является однородной в отношении изучаемого признака (см. табл. 3 и рис. 3).

Методика исследования самооценки (С.А. Будасси). В целом результаты по методике С.А. Будасси в группе «наркоманов» и группе «гэмблеров» схожи (рис. 4). Однако по частотам, накопленным по показателям неадекватной завышенной, неадекватной заниженной самооценки и адекватной с тенденцией к завышению самооценки, данные исследуемых групп имеют

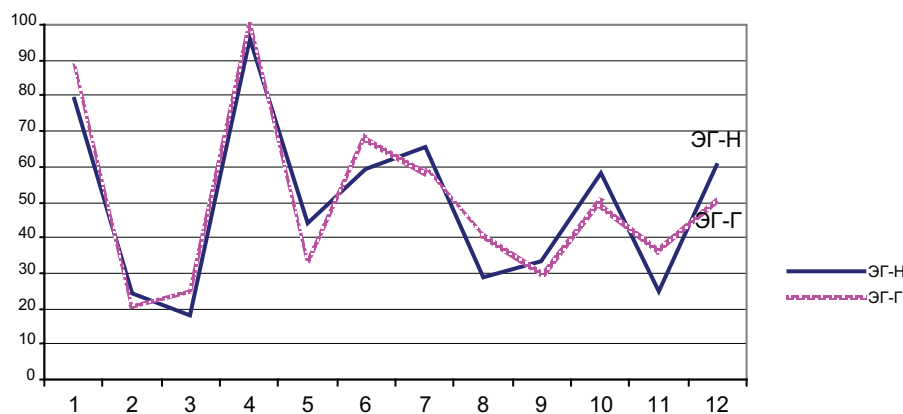

Рис. 3. Взаимосвязь показателей в подгруппах (по категориям методики «Кто Я?»).

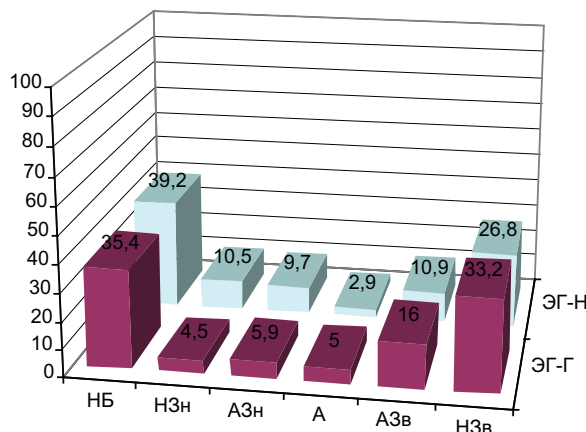

Рис. 4. Частота уровня самооценки в подгруппах: НЗв – неадекватно завышенная самооценка, АЗв – адекватная с тенденцией к завышению, А – адекватная, АЗн – адекватная с тенденцией к занижению, НЗн – неадекватно заниженная, НБ – неадекватная биполярная.

статистически значимые различия ($p < 0,05$). Так по показателям неадекватной завышенной и адекватной с тенденцией к завышению самооценки накопленные частоты выше в группе молодых людей с игровой аддикцией (33,2% против 26,8% в ЭГ-Н и 16,0% против 10,9% в ЭГ-Н соответственно). По показателю неадекватной заниженной самооценки, напротив, процентный показатель выше в группе наркоманов (10,5% против 4,5% в ЭГ-Г).

Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на общую схожесть показателей в группах ЭГ-Н и ЭГ-Г, в группе молодых людей с нехимическими аддикциями самооценка несколько выше, а количество испытуемых с раз-

личными формами заниженной самооценки, напротив, ниже. Однако следует помнить, что представители ЭГ с химической аддикцией по многим причинам испытывают больший прессинг со стороны социальных и государственных институтов, что в целом может отражаться на реальном или демонстрируемом в том или ином виде низком уровне самооценки.

Следует отметить, что по показателям «неадекватной биполярной самооценки» в обеих подгруппах ЭГ накоплены примерно одинаковые частоты (ЭГ-Н – 39,2%, ЭГ-Г – 35,4%). Это может служить, по нашему мнению, как показателем общности характеристик самооценки в подгруппе «наркоманов» и подгруппе «гэмблеров», так

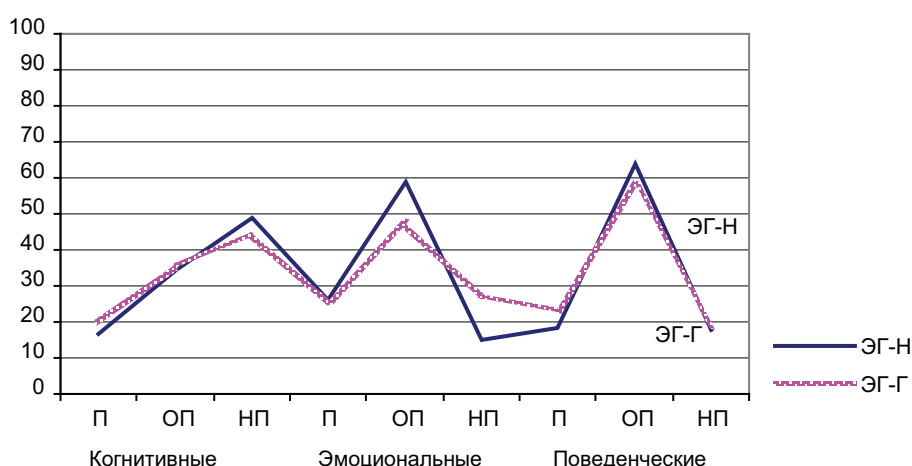

Рис. 5. Взаимосвязь показателей подгрупп ЭГ-Н и ЭГ-Г (по шкалам методики Э. Хайма): П – продуктивные, ОП – относительно продуктивные, НП – непродуктивные копинг-стратегии.

и свидетельством значимости данного свойства для характеристики самосознания аддиктивной личности в целом.

Методика исследования копинг-стратегий Э. Хайма. Результаты по методике Э. Хайма в группе химических и нехимических аддиктов в общем являются схожими (рис. 5). Однако по частотам, накопленным по показателям относительно продуктивных и непродуктивных эмоциональных копинг-стратегий, данные исследуемых групп имеют статистически значимые различия ($p < 0,05$). Показатель относительно продуктивных эмоциональных копинг-стратегий выше в группе «наркоманов» (58,9% против 47,3% в ЭГ-Г), а показатель непродуктивных эмоциональных копинг-стратегий, напротив, выше в группе «гэмблеров» (27,2% против 15,0% в ЭГ-Н).

Некоторые различия наблюдаются и по показателям продуктивных и непродуктивных когнитивных и относительно продуктивных поведенческих копинг-стратегий. Здесь значения рэмп. приближаются, но не превосходят критического значения. Показатель продуктивных когнитивных копинг-стратегий выше в группе с нехимическими аддикциями (20,1% против 16,4% в ЭГ-Н), а показатели непродуктивных когнитивных и относительно продуктивных поведенческих копинг-стратегий выше в ЭГ-Н (49,1% и 63,8% против 44,2% и 57,6% в ЭГ-Г соответственно).

В целом по методике, несмотря на схожесть показателей в группах ЭГ-Н и ЭГ-Г, между ни-

ми существуют различия по отдельным видам копинг-стратегий, однако, в общем, превалирования продуктивных или непродуктивных стратегий в исследуемых группах не выявлено.

Таким образом, учитывая то, что по большинству шкал используемых методик значимых различий между подгруппами молодых людей с химической и нехимической аддикцией не обнаружено, можно говорить о достаточно выраженной однородности группы испытуемых с аддиктивным поведением, о сходстве основных показателей самосознания аддиктов вне зависимости от типа аддиктивной реализации.

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.
2. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. №1. С. 35–41.
3. Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозр. психиат. и мед. психол. 1991. №1. С. 8–15.
4. Ли В.А., Ли К.В. Профилактика химических аддикций: Для школьных психологов и педагогов. Бишкек, 2000.
5. Ерёмко В.В. К вопросу о понятии “аддиктивная личность” // Вестник Кырг. нац. ун-та им. Ж. Баласагына. Т. 1. Гум. и пед. науки. Сер. 5: Тр. молодых ученых. 2006. С. 195–199.